

поскорее выбраться из западни. Однако ж (какая злосчастливая встреча!) у выхода их уже поджидала добрая дюжина молодцов из Фламо, кои, вооружась оглоблями, стали лупить врагов по голове да по плечам и отделали их на совесть. Бедняги из Венделя, понявши, что попали впросак, и видя, что дело плохо, стали истошно вопить: «Караул! Убивают!» – и молить о пощаде.

– Ох, люди добрые, помилосердствуйте! Простите нас!

– Черт побери! – отвечали на это жители Фламо. – Прощают да грехи отпускают в Риме, а уж тут вы свое получите сполна! Вы ведь, дьявол вас возьми, молодцов из себя строили, вот и покажите свою храбрость! Ну как? Хватит? Или еще добавить?

Надобно заметить (и это самое забавное), что женщины из обеих деревень вскоре услышали шум и вопли, доносившиеся с дороги, и тут же решили пойти поглядеть, что ж там такое происходит и творится, понеже из мужчин в деревнях оставались в ту пору одни только старики, что сторожили дом, поддерживали огонь в очаге да передвигали горшки в печи, – правда, они тоже приковыляли к месту драки, да только уже было поздно. И вот женщины, сильно распалившись и, побросав все домашние дела, сбегались к ущелью, и там, по воле божьей, крестьянки из Фламо нос к носу повстречались с крестьянками из Венделя. А те, увидя, что с их незадачливыми муженьками обошлись столь жестоко и они едва ноги унесли, задумали выместить обиду на женщинах из Фламо, а посему принялись швырять в них камни. Их противницы, в свою очередь, ответили на это градом булыжников; поблизости, как на грех, оказался некий хват, глазевший на сию схватку, и он, чтоб посмеяться над женщинами, крикнул, что, дескать, нипочем нельзя ловко метать камни, не вскидывая задом; услышав это, крестьянки с досады начали изо всех сил молотить друг дружку кулаками, разбивать носы в кровь, таскать за волосы, волочить по земле, царапаться, кусаться, срывать одна у другой с головы платки, словом сказать, безжалостно сводить счеты, на что женщины, как известно, великие мастерицы.

Однако ж я оставлю покамест женщин и возвращусь к крестьянкам из Венделя; они тем временем пустились наутек и бежали во всю прыть, но при этом по-прежнему молили о пощаде, прося, чтобы их, Христа ради, оставили в покое, – только все было тщетно, их куда как крепко да здорово отлупили, и хотя они и задали стрекача, противники преследовали их до самой деревни. Прибежав к себе, бедолаги из Венделя с преогромным трудом разыскали свои дома, ибо были они во власти ужасного страха и торопились спастись от преследователей. Между тем жители Фламо (по крайней мере, иные из них) вошли во вкус и положили так проучить своих злополучных обидчиков, чтобы тем впредь неповадно было, но все же среди них нашлись люди благоразумные, они-то и сказали, что, мол, это уж слишком, что те свое, дескать, получили и негоже столь жестоко мстить соседям. Слова сии сочли справедливыми, и жители Фламо повернули назад, прихватив с собою волынку да гобои, чему они весьма радовались и веселились. Подойдя к ущелью, победители увидели, что женщины все еще сражаются. И в той схватке с обеих сторон показали себя многие знатные драчуны: они с особой яростью наносили удары друг дружке; одна, сняв с ноги подбитый гвоздями башмак, изо всех сил гвоздила им своих супостатов, другая так яростно пинала ногой всех подряд, что те валились наземь, третья, положив в сумку камень, размахивала ею, как кузнец своим молотом. Словом сказать, неумные эти бабы дрались так, что чертям было тошно. И они бы еще долго сражались, когда б их не развела наступившая ночь. Заметив, что уже смеркается, сии амазонки вернулись каждая под свой стяг, и тут обнаружилось, что ни у одной не осталось на голове ни платка, ни сетки, лица у всех были расцарапаны в кровь, уши едва не вырваны с корнем, волосы свисали, как нечесаная пакля, а платья обратились в лохмотья. Когда же они увидели, что совсем стемнело, то начали безбожно поносить друг друга, крича во всю мочь: «Шлюхи, гулящие девки, торговки тухлой требухой, ведьмы, беззубые чертовки, злыдни, паскуды, воровки, мошенницы, мерзавки, колдуньи, подлюги, грязные свиньи, суки, толстозадые бабищи, дристуны, сопливицы, гниды, вшивицы, слюнявые рожи, замарахи, спесивые дуры, гнусные стервы, недотепы, ржавые пищали, старые сквернавки, негодные корзины, солдатски «подстилки, сводни, бестолковые баламутки, бесстыжие нахалки, вонючки, замшелые кислены, облезлые образины, наглые морды, прожженные потаскухи!» И так эти богини орала да голосили, что весь лес Де-ла-Туш гудел от их крика, как рассказывал потом Илло Твердозад, а находился он тогда там, ибо срезал гибкую ветвь вяза, дабы смастерить себе лук. По правде говоря, трудно судить, кто ж именно взял верх, понеже с обеих сторон было выказано премного храбрости и ловкости, ибо амазонки сии отменно и кулаками махали, и языками трепали; когда же схватка уже затихла, они, расходясь по домам, все еще грозили друг дружке.